

Людмила Скатова

СЛОВНИК

ИЗБОРСК

В тот год был щедр изборский к нам шиповник...
 А я читала древнерусский словник,
 Что на камнях ручьи чертили влажно,
 В траве густой (её я в мыслях глажу),
 В сурепке тонконогой и лимонной,
 В глазах прохожей женщины бездомной,
 В усмешке спутника её хромого,
 В гудящих башнях княжеского дома,
 На крепостной стене, где Временами
 Распорядились воздух, ветер, пламень.
 И на кресте, – там схимником сокрыта
 Не тайна, нет, – фрагмент скупого быта.
 Каких мы только ни касались хроник!..
 И ты был рядом, преданный паломник,
 Сторонник путевых моих затей,
 Радевший о последней красоте.
 Ладонью, словно воду, зачерпнувший
 Средневековье: гулкий век минувший,
 Век слёзный, крестоносный и горелый,
 С мужицкой костью, но и с костью белой!
 ...Я мну в руке непрочные бутоны,
 Вот-вот рассыплется, а благовонны!
 Ветров листаю древнерусский словник...
 В тот год был щедр изборский к нам шиповник.

* * *

Ищу я земли белых лебедей,
 Ищу тропинку к Родине моей,
 Затопленной, как образ «Коренной»
 В подлодке «Курск», как детский образ мой.

Как прошлый образ, пришлым вопреки...
У озера стою, не у реки!
И с яблоко звезда величиной
Скатилось с неба: «Видишь Китеж свой?»

Хотела подойти и посмотреть,
Послушать, как глубинно плачет медь,
Как светится по краю чудо-вязь,
Как войско созывает к битве князь.

Нет, голоса не могут обмануть:
– Мы с вашим «Курском» вместе шли ко дну!
Недолг век у русских субмарин,
Пришёл на землю-Русь змей Тугарин.

И, мнится, власть каганская крепка...
Ищу я земли Русские в веках.
Восходит Китеж: храмы, терема,
Не знавшие поганого ярма.

Хочу туда, откуда отчий свет,
Хочу туда, где белых лилий цвет,
Где вызревает влажный виноград,
Где бережёт покой Успенский сад.

Где китежанки – дочери царя,
Со мною так утешно говорят.
От них мне выше прочих похвала...
Я русской бездорожницей была.

* * *

Рябины упавшая ветка...
Ей жизни уже не придашь!
Теряешь друзей незаметно,
Как этот осенний пейзаж.

А что же потом, что случится
Со свитком последних времён –
С листвою янтарно-лучистой,
Которой неволью пленён

Прохожий... Желтеют берёзы,
И песнь замирает у трав.
Осенние сладкие грёзы
Имеют убийственный нрав.

Нет планов – ни мелких, ни крупных.
Разборчивый акварелист
Подметил: молчат неподкупно
Берёзы уставшей Земли.

Зачем же под вечер выходишь –
Ненастья ль глоток зачерпнуть,
Познать в необъятной свободе
Стихии изменчивой суть,

А, может, как чёрные сучья
Сквозь сумерки жутко трещат,
Плакучие носятся тучи
И к людям не знают пощады.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ГУМИЛЁВА

Было имя ему – Николай,
Побеждающий, значит, народы...
Это где же, близ статуй Села,
Где без моря так мало свободы.
Но начальная песня – Кронштадт,
Корабельные снасти, туманы...
И крылатый, победный аншлаг
Царскосельской искусницы Анны,
Чьи уста – нарастающие тревог
И печалей полночные трели,
Дом её – неприятный чертог
С ароматами влажных камелий.

Если сможешь, назад не гляди,
И померься с Валькирией силой,
Но не Один ты, только один,
Ты ошибся, назвав её милой!
Этот свежий предутренный вздох,
Обещание счастья и блага.
Офицерская доблесть и до...
Доживать – это тоже отвага!
До рассвета... До свиста свинца,
И до траурной лавы гусаров...
В лазарете Большого дворца
Ты не встретишь ещё комиссаров.
И сестры венценосной рука
Снимет жар, охладит нежно веки.
Будет слава поэта полка,
И российская слава навеки.
Ты спасён, претерпев до конца,
Пусть играют лучистые блики
Над вощёным паркетом Дворца,
Где княжон поминают великих!
Как, бывало, и ты поминал,
Русский воин, поэт и задира...
Век настал шулеров и менял,
И различья снесли нивелиром.
Как сносили соборы окрест,
Разжигая безумия пламя...
Ты донёс свой заоблачный крест,
Ты оставил нам вечную память
О себе...

* * *

*А так как мне бумаги не хватило,
Я на твоём пишу черновике...*

Анна Ахматова

Что останется от поэтов –
Книги, письма, немного прозы,
Все журнальные комплименты,
Все таинственные невроты.

Неисполненные проекты,
Рукописные варианты,
Чьи-то записи на манжетах
Иль на шляпах комедиантов.
О, бумага стерпела много! –
Для того, видно, лес растили
И везли по пыльным дорогам,
Чтобы был у поэтов стимул.
А кому её не хватило,
Черновик чужой исписали,
Обмакнув перо в кровь чернила, –
Но заметил ли кто? Едва ли!
Говоря о кухне поэта,
Восклицают: «Какая школа!
И в стихах – неизбывность света,
Отчего же он невесёлый?
Не выносит иных примеров,
Ускользает, как тень, с застолья?..»
А была у поэта вера,
К противленью большая воля.
И в стихах чудеса случались:
Русь Святая текла по Дону,
Заливая его лучами
Той любви, что одна бездонна.

БЕЗВРЕМЁНЬЕ

Так много ещё не сказано,
Не спето и не записано,
А век захлебнулся проказами,
Соблазнами, эпикризами,
Запретами, пандемиями,
Лукавыми предсказаньями,
Духовными анемиями,
Тюремными наказаньями.
Судами и протоколами,
Вакцинами и печатями,
Неискренними глаголами,
Искусственными зачатьями.

А Русь захлебнулась голодом –
Обилием яств неправедных...
Над каждым селом и городом
Качнулся тяжёлый маятник.
Застыло время на кончике
Иглы с усмиряющим зельем...
Предсмертное многоточие
Накрыло пагубой Землю.

МИМОЛЁТНОСТЬ

*Уплываем теперь на Цитеру...
Георгий Иванов*

1

К каким ни прикоснись мирам,
К каким ни обратись химерам, –
Всё тщетно. Есть «Et cetera» –
Далёкий остров. Символ веры.
Не страшно ничего, когда
Земля над головой такая –
«Эт Цэтэра»!.. Кругом вода
И дымка счастья голубая.
Цитера или Цэтэра?
Поэт Иванов звал Цитеру,
Пока отплытия пора
Не пресекла земную меру.
Мир вышел за борт, мир исчез,
Он расплескался, как мадера...
Его сложили в чёрный кейс,
Забыв, что есть ещё Цитера,
Что паруса, как веера,
В лицо свободный ветер дует...
Et cetera, et cetera –
Я возвещу, отплыть задумав.

2

Прочитаю перед сном стихи,
Чтоб приснился терем или замок,
Остров, катера и шум ольхи,
Гулкий плац и шёлковое знамя.
Чтоб приснилась осень – там, вдали,
Русский дом на набережной Сены,
Русский храм среди причуд Бранли –
По стенам взобравшихся растений.
Тонкий шлейф мне поднесут духи
Где-нибудь в районе Монпарнаса...
Прочитаю перед сном стихи,
Чтоб приснились звёздные топазы –
Там, где мимолётность, как игра,
Затаилась и едва ли дышит,
Где, как перст, соборная игла
Посреди огня упала с крыши.
Где вещали что-то фонари,
Манускриптом небо мне казалось,
А прохожий розу подарил,
Выходя из здания вокзала.

3

Мы сказали друг другу, наверное, всё,
Лишь дыханья хватило на несколько строк...
Передаст ли японская мудрость Басё
Этот смысл их последний, что выжить не смог?
Ни японская мудрость, ни строгость баллад,
Ни Прованса напевы – «Mon ange!» и «Belle Coeur!»...
Мы на Русской земле, где невидимый ад
Собирает щепу, раздувает костер.
Нет любимых мужчин – настоящих мужчин!
Всё течёт по привычке меж градусов и сёл...
И не пишут бессмертных стихов без причин,
Даже несколько строк, в подражанье Басё!

г. Великие Луки